

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ada1985@yandex.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

АРХАИЧНЫЕ ТИПЫ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ И ИХ РАЗВИТИЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ *

Под адаптацией в верхнем палеолите понимается ряд технологических, экономических и поведенческих сдвигов в палеолитических культурах, вызванных определенными факторами окружающей среды. Основу палеолитической экономики составляло добывание пищевых ресурсов, однако доказать прямую зависимость остальных видов хозяйства от этой основы можно не всегда. Если освоение пространства и заселение «домашнего ареала» связано с поиском пищи непосредственно, то развитие технологии иногда показывает стабильную однородность даже на фоне климатических изменений. Это обстоятельство обусловлено гибкостью ресурсных стратегий в различных культурных ландшафтах. Среди основных стратегий как методов адаптации выделяется блок наиболее архаичных и необходимых для жизнеобеспечения: ресурсные стратегии, освоение «домашнего ареала» и минимизация конкуренции. Эти архаичные стратегии являются поведенческим аспектом биологической эволюции человека, их интеграция с другими методами адаптации служит показателем развития палеолитических культур.

Ключевые слова: палеолит, адаптация, эволюция, мобильность, пищевые ресурсы, расселение, экологическая ниша.

Ресурсные стратегии, традиционно используемые палеолитическими обществами, исходя из недавних этнографических параллелей, определяются как характерные для охотников-собирателей. Однако вопрос, каково было соотношение охоты и собирательства в палеолитическом типе жизнеобеспечения, как правило, весьма трудно разрешить. Находки примитивных зернообрабатывающих орудий в палеолите единичны и небесспорны. Они относятся исключительно к развитым стадиям верхнего палеолита. Что касается доли рыболовства в занятиях палеолитического человека, то во внутриконтинентальных областях оно фиксируется также редко. Однако основная часть территорий, на которых обнаружены верхнепалеолитические памятники – это внутриконтинентальные равнины и горные

массивы. В основе систем природопользования в таких областях находилась охота. Определить долю охоты, виды ее сезонных изменений и в связи с этим уровень мобильности населения позволяет анализ способов адаптации человека к конкретным условиям обитания.

В современной археологии, говоря о приспособлении человека к окружающей среде, как правило, оперируют общими понятиями, которые не всегда позволяют с точностью отразить описываемые механизмы. Под адаптацией часто подразумеваются любые процессы, направленные на успешное освоение человеком экологических особенностей той или иной территории, включая использование определенного вида каменного сырья, добычу конкретных видов животных, превалирующих над остальными

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-12005-офи-м-2011).

ми, особенности освоения ландшафта, типы поселенческих систем. Этот процесс, по своей сути, непоследовательный и скачкообразный, а приспособление к окружающей среде древнего человека было лишь ответом на ее изменения, поэтому предсказуемость этих ответов дает нам возможность построения моделей, объясняющих особенности палеоадаптаций. В рамках изучения особенностей приспособления древнего человека к условиям окружающей среды авторы под адаптацией понимают процесс развития взаимоотношений между человеком и средой обитания, подразумевая, что результатом их взаимодействия, выраженным в поведении человека, являются адаптационные стратегии. Однако отсутствие типологии и системности адаптационных стратегий затрудняет построение моделей существования охотников-собираателей. Для понимания векторов эволюции палеолитических культур необходимо выделить пласты постепенного развития типов адаптационных стратегий. Важным вопросом является то, какие существовали связи между этими типами: существовала ли прямая зависимость мобильности от ресурсной стратегии, как от этого зависела «минимизация конкуренции», и всегда ли источник ресурсов определял характер каменной индустрии. В рамках настоящего исследования не рассматривается такой аспект поведенческой деятельности, как возникновение искусства и «мировоззренческие» стратегии (*ideal strategies*) в целом, поскольку решение проблемы направлено на утилитарные аспекты деятельности человека.

Рассматривая общества охотников-собираателей, мы вынуждены разграничить понимание адаптационных стратегий применительно к обществам палеолитическим и к обществам, материальная культура которых сохраняла традиционный облик в более позднее время. Большинство теоретических заключений и гипотез было построено на материале таких обществ и для понимания их функционирования на стыке двух наук – археологии и этнографии. Если отталкиваться от определения, что вращивание или приспособление к окружающей среде являлись поведенческим аспектом биологической адаптации, то становится возможным применение понятий «преадаптация», «радиация», «коэволюция», «высокая и широкая специализация» к процессу приспособ-

ления человека к окружающей среде в конце плейстоцена – начале голоцена. Компетентность применения биологической адаптации к человеку показал биолог Дж. Гексли, который в своих трудах переносил концепцию прогресса из сферы деятельности человека на органическую эволюцию, а затем вновь переносил ее на человека как высшую ступень прогрессивной эволюции (по: [Грант, 1991]). Ряд положений его теории был подвергнут сомнению, однако в целом концепция выдержала критику. Таким образом, предлагается рассматривать адаптацию как целостную систему, а не набор частных процессов, таких как социальное или культурное развитие.

В нашей работе будут рассмотрены типологические особенности «архаических» (бытовавших до возникновения производящего хозяйства) адаптационных стратегий человека эпохи верхнего палеолита, характер их функционирования и изменения в условиях Высоких равнин Северной Америки и пояса гор и предгорий Южной Сибири и Центральной Азии.

На протяжении всего развития человечества существовал ряд механизмов адаптации, которые сегодня мы вправе назвать «архаичными», т. е. возникшими в первую очередь и унаследовавшими многие черты от животных. Это подвижные, постоянно функционирующие механизмы, связанные с обеспечением основных потребностей сообществ – присвоения ресурсов. Одновременно с возникновением рода *Homo* появляются ресурсные стратегии и «минимизации конкуренции». Минимизация конкуренции связана с использованием орудий, и до появления последних ресурсная пищевая стратегия гоминид мало отличалась от способов добывания пищи животными. Исследования поведения различных представителей отряда приматов показали, что в пределах всего таксона выбор той или иной пищевой стратегии непременно сказывается на социальном поведении индивидов внутри сообщества. Это указывает на чрезвычайную важность изменчивости типов питания на самых различных стадиях антропогенеза [Бутовская, Файнберг, 1993]. Именно модель присвоения ресурсов определяет развитие орудийной деятельности, навыков охоты, становления и передачи групповых традиций, развитие их в устойчивые механизмы.

У животных существует два вида ресурсной стратегии: активная и пассивная. Этологи отмечают сходство в поведении человека и животного при адаптации к добыче пищи в различных природных условиях. Так, для районов, где живут и шимпанзе, и павианы, характерна ярко выраженная сезонность, поэтому в разное время года животные обнаруживают две альтернативные стратегии выживания:

- включение в свой рацион в неблагоприятное время года низкокачественной пищи, имеющейся в изобилии, но характеризующейся низкой питательной ценностью и переваривающейся очень медленно; за эту стратегию животные расплачиваются большими затратами времени на пищевой поиск;
- освоение ресурсов высококачественной пищи с сезонно изменяющейся доступностью (именно в сухие сезоны активизируется охотничье поведение у всеядных шимпанзе и павианов) [Фоули, 1990. С. 254–255].

Мы предлагаем определить соотношение между составляющими этих двух стратегий посредством формул (формула А. М. Хаценович). Стратегию, ориентированную на добычу пищи высокого качества, обозначим как активную (S_a), а стратегию, основанную на потреблении низкокачественной пищи, обозначим как пассивную (S_n); t – время, затрачиваемое на поиск пищи; P – полезность и питательность пищи (качество); m – количество потребляемой пищи (масса); при этом переменные $x, y > 1$.

$$S_n = t + P + xm,$$

$$S_a = xt + yP + m.$$

Если S_a свойственна для животных только в «период изобилия», то для человека она становится приоритетной во все сезоны. Соответственно, увеличение временных затрат на поиск пищи (но не ее потребление) обуславливает высокую мобильность человека, дифференциацию видов деятельности внутри сообщества и максимальное использование освоенной территории. Внутри S_a начали складываться стратегии, направленные на ее оптимизацию, т. е. на уменьшение xt и на увеличение m .

Что касается минимизации конкуренции, то здесь играют важную роль три основных фактора: наличие крупных хищников, степень аридизации климата и плотность населения на территории обитания. Первый фактор связан с коэволюционным развитием

человека и хищников, баланс внутри которого со временем менялся. Первоначально, когда добыча мяса осуществлялась в значительной мере посредством падальщичества, гоминиды могли составлять некий симбиоз с хищниками [Rolland, 2010], например с сабле- и кинжалозубой кошками [Martinez-Navarro, Palmquist, 1995]. Вторгшись в среду хищников и адаптировавшись к жизни сразу в нескольких экологических нишах, человек начал конкурировать с крупными представителями этой среды, и баланс нарушился. Аридизация климата, связанная с похолоданием, приводит любой биом в движение, аккумулируя организмы у источников ресурсов за счет сокращения охотничьих ареалов. Как следствие, возникают более тесные межгрупповые контакты, приводящие к конфликтам [Фоули, 1990]. И в этой ситуации, если хищники, как правило, не могут покинуть свой исконный ареал, то человек, в условиях возросшей плотности населения на конкретной аридной территории, вынужден был осваивать новое пространство. Мозаичность климата и природной среды в позднем плейстоцене создавали необходимые условия для выживания человека, способного быстро активировать необходимые навыки в новой окружающей среде. Безусловно, мы можем вспомнить проявление подобных адаптивных способностей и у животных, когда целые фаунистические комплексы осуществляли переход с одной территории на другую и прекрасно приспосабливались к новым условиям, замещая собой местный комплекс. Это, например, «Великий американский обмен» фаунистических комплексов Южной и Северной Америки [Симпсон, 1983], или миграция фауны из Африки в Евразию около 0,8 млн л. н. (рубеж раннего и среднего галлерия) [Вислобокова, 2006]. Фаунистические обмены между континентами усиливаются при появлении и расширении межконтинентальных мостов, обычных при значительных понижениях уровня Мирового океана в холодные фазы [Там же]. Однако это глобальные долговременные «перестройки» и ни один вид млекопитающих не демонстрирует такой приспособляемости, как человек. Высокая плотность населения создавала предпосылки для освоения тех территорий, которые ранее казались менее привлекательными в плане насыщенности ресурсами. Выраженная мезокомплексность

экосистем в позднем плейстоцене способствовала мобильности человеческих сообществ, не привязанных к конкретному источнику ресурсов. В целом, мобильность, обусловленная, в том числе, и теми факторами окружающей среды, которые создавали ситуацию повышенной конкуренции, была первым и наиболее архаичным способом минимизации этой конкуренции.

Эволюция активной ресурсной стратегии (S_a), переход от собирательства (включая падальщичество) к активной охоте, запустили механизм оптимизации других направлений деятельности человека, что привело к появлению различных типов специализации, которые мы определяем как «широкая» и «высокая». Одной из возможностей увеличить m при сокращении xt являлось использование таких источников ресурсов, которые были составляющей биомассы практически любой территории, обладали стабильностью, неисчерпаемостью и доступностью. Такими характеристиками в позднем плейстоцене обладали копытные. Они существуют в любой природной зоне, имеют предсказуемое поведение, включая сезонные миграции, а их количество вне климатических стрессов варьирует незначительно. Доступность копытных зависит от знания человеком их повадок и циклов жизни. Наличие нескольких видов копытных на одной территории могло обеспечить круглогодичную добычу, что ослабляло интерес человека к иным ресурсам. Такими территориями являлись незаболоченные равнины, на которых происходило формирование специализированной и высокоспециализированной адаптации. Однако равнины, в большей степени, чем горные местности, подвержены климатическим стрессам. Животным, столкнувшимся с новыми экологическими условиями, необходим орган нового типа или новая функция, что сдерживается морфологическими ограничениями. Это препятствие преодолевается за счет преадаптации: организм, адаптированный к одному комплексу условий, модифицируется для использования в новых условиях [Грант, 1991].

Применение человеком поведенческой преадаптации, когда определенные навыки меняются соответственно задачам, поставленным окружающей средой, определило успешность существования человека как в различных природных зонах, так и в одной,

с учетом климатических стрессов. Высокая специализация при изменении климата может привести к исчезновению ее носителей, однако переквалификация с одного объекта охоты на другой, с изменением навыков и сезонного порядка, позволяла сообществам не сокращать свой ареал при уменьшении количества основного объекта, а оставлять границы «домашнего ареала» прежними.

В кризисные моменты «высокая специализация» обнаруживала гибкость: на памятнике Аллен (Небраска, США) соотношение содержания костей бизона и оленей 6 : 1 соответственно. Однако, как показывают материалы памятника, со временем роль оленей в ресурсной стратегии увеличивалась, а остатков бизонов становилось меньше. Вилороги играли меньшую роль, нежели олени, однако в то время, когда количество остатков оленей уменьшалось, возрастало количество находок вилорога вместе с американским кроликом [Hudson, 2007]. Связано это с тем, что вилороги и американские кролики лучше переносят засуху, чем олени, которые в засушливые сезоны откочевывают выше в горы. На памятнике Аллен, который определяется как временный лагерь, расположенный недалеко от мест забоя животных, найдены кости тех частей оленя и бизона, которые были транспортабельны и содержали наибольшее количество мяса. Черепа отсутствуют. Остатки вилорога демонстрируют иную картину: очевидно, его тушу переносили полностью и разделяли на месте. Все кости были подвержены разламыванию и раскалыванию, как и кости американского кролика.

Успешность преадаптации человеческой группы в конкретном биогеоценозе определяется увеличением численности этой группы [Грант, 1991]. Затем происходит радиация этой группы и территория оказывается заселенной несколькими сообществами, объединенными общей формой адаптации к местным экологическим условиям.

Эффективность ресурсной стратегии каждого из таких сообществ зависела от организации «домашнего ареала», которая, в свою очередь, связана с вариабельностью ресурсов. Если стратегия заключалась в специализированной охоте на стадных копытных, то «домашний ареал» занимал большие участки в рамках территории сезонных миграций объектов охоты. При ши-

рокой специализации, когда задействовались все доступные источники пищи, «домашний ареал» сужался и мог ограничиваться миграциями между сезонными источниками ресурсов. В первом случае организация пространства соответствовала мобильной модели существования, во втором – полуоседлой, с высокой долей собирательства, хотя реальные ситуации, вероятно, существовали и в промежуточных вариантах [Добровольская, 2004]. Так или иначе, различные типы специализированных адаптаций находят свое отражение практически во всех аспектах как поселенческих систем и стратегий мобильности древнего человека, так и в особенностях утилизации каменного сырья.

Мобильная модель существования была характерна для равнинного обитания. Здесь могла возникнуть особая система природопользования, со стоянками различного типа. На территории Великих равнин в США фиксируются долговременные стоянки (Medicine Lodge Creek, Hell Gap), места забоя и разделки туш животных (Horner site, Agate Basin site), места выработки сырья и мастерские (Spanish Diggins, Knife River, Alibates Dolomite), иные типы памятников, относящиеся к рубежу плейстоцена и голоцена. Более поздние памятники показывают еще большую дифференциацию, дополняя ее отдельными мастерскими (Two Moons) [Kornfeld et al., 2006]. Подобный диапазон памятников свидетельствует о дифференциации деятельности внутри сообществ и мобильности если не всего сообщества, то его части. Уровень мобильности у обществ, в чьем хозяйстве охота занимает преобладающее положение, всегда будет выше. Связано это, в первую очередь, с окончанием периода эффективного использования «домашнего ареала», а во вторую – с ростом населения и дальнейшей «радиацией». Как показывают данные биопродукционных процессов в травяных биомах (какими являются равнины), для копытных оправданным является существование на территории определенной площадью до тех пор, пока хватает ресурсов. Затем территорию обитания следует сменить, иначе численность популяции начнет снижаться [Абатуров, 1979]. Эти перемещения осуществлялись постоянно, на них накладывались сезонные миграции на большие расстояния. Палеолитический человек зависел от этих переме-

щений. Если же брать в расчет собирательство, то в этом случае также предполагается мобильность, хотя и меньшая. Р. Келли, исходя из теоремы маргинального показателя теории оптимальной стратегии, рассчитал, что эффективный радиус для собирательства составляет 6 км. При увеличении расстояния и, соответственно, затраченного времени, суммарная эффективность снижается [Келли, 1997], поэтому осуществлялось перемещение всего лагеря, а не отдельных групп собирателей.

Полуоседлая модель существования больше характерна для населения прибрежных и горных территорий. Пищевые ресурсы в горах более разнообразны, но их концентрация меньше, чем на равнинах. Вполне вероятно, что человек спускался в широкие долины и на предгорные плато, где обитали стадные копытные, но осуществлялось это скорее небольшими группами охотников. В горных районах палеолитический человек селился в пещерах и гротах, и они могли становиться его долговременным местопребыванием. Подобная ситуация прослеживается в финале верхнего палеолита в горных районах Северной Америки (Блэк Хиллз на Великих равнинах, Колумбийское плато).

В Северной и Центральной Азии ситуация складывается менее однозначная. Все стоянки начального верхнего палеолита этой территории расположены в низкогорной и среднегорной зонах. Разброс высот составляет от 500 до 1 200 м выше уровня Мирового океана. Ни одной стоянки этого периода в зоне сибирских равнин не известно. Тем самым они относятся к поясу гор Южной Сибири, простирающихся в меридиональном направлении от 54 до 48° с. ш. Ландшафты горного пояса представляли собой сочетание мозаичных и разнообразных комбинаций лесных, лесостепных и степных растительных сообществ. Эти биомы служили средой обитания разнообразных видов средних и крупных млекопитающих, среди которых, как потенциальная жизнеобеспечивающая база древнего человека, выделялись бизоны, шерстистые носороги, эквиды, различные виды антилоп и т. д. На пересеченной территории гор и предгорий в пределах небольшой территории долин рек или межгорных котловин существовали различные биотопы, что позволяло находить необходимые для пропитания животные или растительные ресурсы. В от-

личие от равнин Северной Евразии в верхнем плейстоцене природные комплексы горного пояса Южной Сибири подвергались значительно меньшим оледенениям. Переход от теплых эпох плейстоцена к холодным, а затем от холодных к теплым не вызывал серьезных изменений в составе животного и растительного мира. Изменения климата приводили к изменению доли участия различных компонентов сообщества в общей структуре биоценоза [Агаджанян, 2001]. Вместе с тем прослеживаются и определенные отличия между палеоландшафтными условиями восточной и западной частей горного пояса Южной Сибири. В Забайкалье и Монголии начало каргинского этапа (MIS-3) позднего плейстоцена характеризуется сухим и прохладным климатом, распространением полупустынных ландшафтов; для среднего периода каргинского времени (40–35 тыс. л. н.) реконструируется более гумидный и теплый климат, преобладание степных условий. Несмотря на сохранение ограниченных участков лесной растительности, на всем протяжении каргинского этапа человеческие коллективы, заселявшие Забайкалье, существовали в условиях более аридного, чем на Горном Алтае, климата и менее разнообразных и более открытых, чем на западе горного пояса Южной Сибири, ландшафтов. В составе фаунистических комплексов стоянок доминируют животные, населявшие степи [Гермопге, Лбова, 1996; Лбова и др., 2003].

На этой территории в силу ее огромной протяженности и разнообразия природно-климатических условий складывались своеобразные типы поселенческой активности. Во-первых, гроты и пещеры могли заселяться на протяжении сотен тысяч лет, но конкретный период проживания популяции в скальном убежище мог быть кратковременным. Во-вторых, в горных и предгорных районах существовали и другие типы поселений. В Южной Сибири и Центральной Азии, наряду со скальными убежищами, создавались и другие типы поселений – мастерские, кратковременные стоянки, охотничьи лагеря. Поселенческая система была достаточно разнообразна и адаптирована к передвижениям по относительно небольшому региону, где каждому типу стоянки соответствовала определенная функция. Есть примеры транспортировки каменного сырья к открытому поселению, которое соответст-

вовало определенным потребностям древнего человека (стоянка Кара-Бом, Горный Алтай [Деревянко, Рыбин, 2003]), есть типы памятников, где человек оставлял узкий набор орудий, принесенных с собой уже в готовом виде (Малояломанская пещера в Горном Алтае, слой 3 пещеры Цаган-Агуй в Монголии, комплекс А стоянки Каменка в Забайкалье) [Рыбин, Колобова, 2004; Деревянко и др., 2000; Лбова, 2000].

На территории Прибайкалья и Забайкалья, в силу геологических условий, пещеры, удобные для длительного проживания человека, крайне редки и практически все поселения здесь открытого типа, хотя геоморфологически это зоны низкогорий и среднегорий. Горный Алтай, где население существовало в замкнутых условиях долин и широких межгорных котловин, демонстрирует менее выраженные типы специализированных поселений, чем в условиях более аридного Забайкалья с его открытыми ландшафтами. В Забайкалье выделяются определенные элементы специализации в охоте на определенные виды копытных (дзюрен и лошадь), равно как и выраженные элементы сезонности поселений (в отличие от Горного Алтая), и более выраженные специфические поселенческие комплексы, равно как и примеры более удаленной транспортировки каменного сырья. Для комплексов каменной индустрии Забайкалья и Монголии примеры массовой транспортировки каменного сырья на относительно удаленные расстояния более характерны, чем для территории Горного Алтая, где в основном использовалось локально доступное каменное сырье вне зависимости от его качества. Для открытых ландшафтов Центральной Азии реконструируются значительно более интенсивная утилизация доступного материала для изготовления каменных орудий и более тщательное оформление орудий с преобладающими «формальными типами» изделий и их большее истощение при применении в рабочих операциях [Рыбин и др., 2005; Rybin, 2005; Васильев, Рыбин, 2009].

Разумеется, характер изменений в облике материальной культуры и типах адаптации человека не может быть сведен исключительно к природному детерминизму. Например, наиболее раннее присутствие «верхнепалеолитического поведенческого набора» в Северной и Центральной Азии

фиксируется в тех регионах, где происходило взаимодействие популяций с различными культурами и, вероятно, с различным антропологическим обликом. На Горном Алтае сосуществование среднепалеолитических и верхнепалеолитических популяций продолжалось, как минимум, около 10 тыс. лет, и процесс замещения населения происходил медленно; в Монголии и Забайкалье, исходя из имеющихся данных, смена культур происходила значительно быстрее. Все среднепалеолитические и ранние верхнепалеолитические стоянки Южной Сибири располагались в замкнутых пространствах, где могло существовать соревнование за ресурсы между популяциями и популяционное давление. Поэтому из факторов, способствовавших раннему возникновению «верхнепалеолитического поведенческого набора» и изменения характера адаптаций, нельзя исключать необходимость усложнения социальной организации коллективов и потребность в групповой самоидентификации.

Однако после периода быстрых и резких изменений культуры человека, происшедших в Северной Азии в хронологическом промежутке между 45 и 40 тыс. л. н., наступил период стазиса. Для культур ранней поры верхнего палеолита на протяжении большей части каргинского межледникового, несмотря на неоднократные вариации климатических условий в хронологических рамках от 40 до 28 тыс. л. н., характерно доминирование унифицированных, весьма схожих в своих проявлениях, пластинчатых индустрий. Орудийный набор и технология первичного расщепления этих памятников остаются стабильными на протяжении всего указанного времени. В конце каргинского межледникового – начале сартанского оледенения на фоне глубокой перестройки окружающей среды и нестабильности климата, сопровождающейся вероятной депопуляцией некоторых территорий в период максимума сартанского оледенения (20–18 тыс. л. н.) происходили резкие изменения в культуре и поведении человеческих популяций. Началось активное заселение сибирских равнин, выросла мобильность населения, и появились свидетельства специализированной охоты. В связи со значительными перемещениями населения в каменной технологии происходил переход к отщеповым и микропластинчатым технологиям раскалывания.

Ответ на вопрос, почему на некоторых памятниках в горных регионах индустрии не менялись на протяжении столь длительного времени, не отвечая на изменения природно-климатических условий, среди прочего, видимо, кроется и в успешности широкой специализации. Если высокая специализация в условиях горизонтальной зональности с освоением одной ниши создает риск эволюционного тупика при изменении климата, то обитание на территории с вертикальной зональностью делает необходимым освоение нескольких ниш, повышая гибкость адаптационной ресурсной стратегии. Поэтому при смене климата в горных районах поведенческие изменения в силу уже существующей гибкости будут менее заметными, чем на равнинах.

На территории Южной Сибири прослеживался длительный период господства широкой адаптации, нашедший свое отражение в стабильном существовании пластинчатых индустрий ранней стадии верхнего палеолита в условиях низкогорий и среднегорий, несмотря на изменения климата. Заселение равнин, связанное с резкой перестройкой природно-климатической обстановки на рубеже каргинского и сартанского времени, приводило к усложнению адаптационных стратегий человека, увеличению его мобильности, появлению несомненных свидетельств существования жилищ и специализированной охоты. На равнинах Северной Америки преобладали типы «высокой» специализации, демонстрирующей свои преимущества и известную гибкость именно в условиях открытых пространств.

Вопрос, какая специализация более эффективна – высокая или широкая – не может иметь однозначного ответа. Высокая специализация делала добычу ресурсов более прогнозируемой, при меньших временных затратах, в то время как широкая специализация была более устойчивой к изменениям в природно-климатической обстановке. Разумеется, на практике эти механизмы не были настолько четкими и их функционирование нельзя предположить с абсолютной точностью. Поэтому рассмотрение адаптационных стратегий человека в палеолите в качестве поведенческого аспекта биологической адаптации вполне корректно. Вместе с тем процессы изменений в культуре и поведении человека не могут быть связаны исключительно с палеоклиматической и па-

леоландшафтной обстановками, что демонстрируют приведенные нами примеры длительной стабильности и быстрых изменений на протяжении заключительной стадии древнекаменного века.

Список литературы

Абатуров Б. Д. Биопродукционный процесс в наземных экосистемах. М.: Наука, 1979. 130 с.

Агаджанян А. К. Пространственная структура позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 2 (6). С. 2–19.

Бутовская М. Л., Файнберг Л. А. У истоков человечества (поведенческие аспекты эволюции человека). М.: Наука, 1993. 249 с.

Васильев С. Г., Рыбин Е. П. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность древнего человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 13–34.

Вислобокова И. А. Историческое развитие парнопалых Северной Евразии и этапы эволюции их сообществ в кайнозой // Эволюция биосферы и биоразнообразия (к 70-летию А. Ю. Розанова). М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. 600 с.

Грант В. Эволюционный процесс. М.: Мир, 1991. 488 с.

Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В. Т., Кривошапкин А. И., Брантингхэм П. Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1(1). С. 23–36.

Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 27–50.

Добровольская М. В. Особенности питания человека позднего каменного века и некоторые вопросы поведения // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследования. М., 2004. С. 88–111.

Келли Р. Л. Добывание пищи охотниками-собирающими и колонизация Западного полушария // Человек заселяет планету Земля: глобальное расселение гоминид. М., 1997. С. 211–225.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Лбова Л. В., Базаров Б. А., Клементьев А. М., Савинова В. В. Природные ресурсы и поведенческие модели человека начальной стадии верхнего палеолита (Западное Забайкалье, Удинский бассейн) // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 61–65.

Рыбин Е. П., Колобова К. А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 20–34.

Рыбин Е. П., Лбова Л. В., Клементьев А. М. Орудийный набор и поселенческая специфика комплексов ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск, 2005. С. 69–80.

Симпсон Д. Г. Великолепная изоляция: история млекопитающих Южной Америки. М.: Мир, 1983. 256 с.

Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М.: Мир, 1990. 368 с.

Germonpre M., Lbova L. Mammalian Remains from the Upper Paleolithic Site of Kamenka, Buryatia (Siberia) // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol.23. P. 35–57.

Hudson J. Faunal Evidence for Subsistence and Settlement Patterns at the Allen Site // The Allen Site: A Paleoindian Camp in Southwestern Nebraska. University of New Mexico Press, 2007. 284 p.

Kornfeld M., Larson M. L., Bennett G., Bovee M., Wasilik N., Ridenour D. The Black Mountains Archaeological District: Preliminary Results of the 2005 and 2006 Field Studies. Technical report. Laramie, Wyoming, 2006. Vol. 44. 80 p.

Martínez-Navarro B., Palmqvist P. Presence of the African Machairodont *Megantereon whitei* (Broom 1937) (Felidae, Carnivora, Mammalia) in the Lower Pleistocene Site of Venta Micena (Orce, Granada, Spain), with Some Considerations on the Origin, Evolution and Dispersal of the Genus // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 569–582.

Rolland N. The Earliest Hominid Dispersals beyond Subsaharan Africa: A Survey of Under-

lying Causes // Quaternary international. 2010. Vol. 223–224. P. 54–64.

Rybin E. P. Land Use and Settlement Patterns in the Mountain Belt of Southern Siberia: Mobility Strategies and the Emergence of «Cultural Geography» during the Middle-to-

Upper Paleolithic Transition // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 2005. Vol. 25. P. 79–87.

Материал поступил в редколлегию 14.12.2011

A. M. Khatsenovich, E. P. Rybin

**THE ARCHAIC TYPES OF ADAPTATIVE STRATEGIES
AND THEIR DEVELOPMENT IN PALEOLITHIC**

The Upper Paleolithic adaptation is sequence of technological, economical and behavioral shifts in Paleolithic culture, which were called force by certain factors of environment. Food resource procurement was a basis of Paleolithic economy, but it doesn't always prove that other types of equipment directly depended to this basis. The land reclamation and occupation of «home area» are related to food research directly, but technology development demonstrates a stable homogeneity even to climatic changes sometimes. This circumstance is determined by flexibility of resource strategies in different cultural landscapes. Among the main strategies as methods of adaptation it is marked out a group of the most archaic and necessary for subsistence: resource strategies, «home area» occupation and minimization of concurrence. These archaic strategies are the behavioral aspect of human biological evolution and their integration with other adaptative methods serves as indicator of Paleolithic cultural development.

Keywords: Paleolithic, adaptation, evolution, mobility, food resources, dispersal, ecological niche.